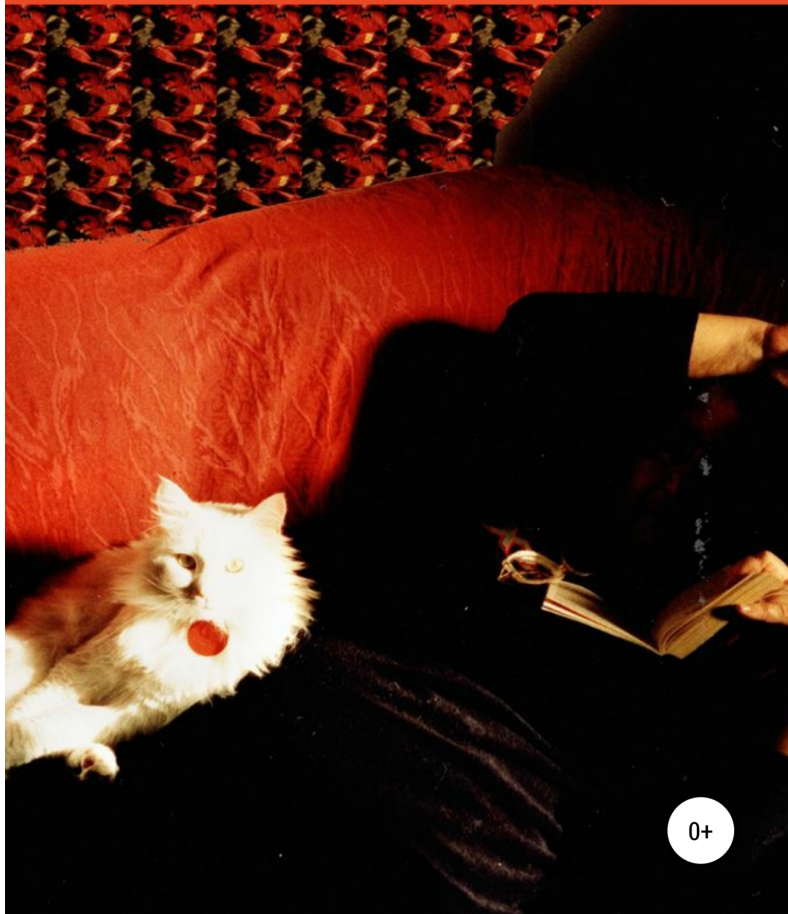

Мири Литвак

Любовь Онегина к бабушке Кларе

0+

Мири Литвак

Любовь Онегина к бабушке Кларе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074306

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99464-5

Аннотация

За два года до своей смерти мой отец указал мне на старый пыльный картонный ящик на полу кабинета. «Наши с мамой письма... любовные письма, – усмехнулся он. – Возьмешь? Или я выкидываю». Так родилась книга «Любовь Онегина к бабушке Кларе» – из истории любви моих родителей. Её действие разворачивается на фоне «дела врачей» и сталинского замысла высылки всех евреев за Полярный круг. «Любовь Онегина к бабушке Кларе» – это история о тех, кто родился в другой стране, но для кого Израиль стал домом родным. Эта книга о любви: о любви мужчины и женщины, о любви к снежным просторам и лесам России, а также о любви кота Онегина к бабушке Кларе.

Содержание

1. Книга в синей обложке	4
2. Кошка с кондиционером	9
3. У папы под веками	14
4. Оперные слёзы	19
5. Ждём Гарика	32
6. Открытые двери	39
7. Шоколад высшего качества	48
8. Нехорошими словами	54
9. Русалка	63
10. На том берегу	69
11. Горбушка	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Мири Литвак

Любовь Онегина к бабушке Кларе

1. Книга в синей обложке

Кот у моих бабушки и дедушки пушистый, с мягкой розовато-кремовой шерстью. Он расхаживает по дому, ступая мягко и неслышно, как аристократ из фильмов на историческом канале по телевизору. Изредка он тихонько мяукает. Ничто не способно нарушить его спокойствие. Поэтому дедушка назвал его Онегиным, по имени героя русской книжки, которую любит дедушка.

В книжке Онегин – это изнеженный отпрыск аристократической семьи, который из-за своей гордыни упускает своё счастье и делает разные глупости. И даже убивает человека. Вся книжка написана стихами, в рифму. И когда дедушка читает её вслух, слова складываются в настоящую мелодию. Дедушка упорно читает мне эту книжку, хотя я по-русски совсем мало понимаю. Я сижу напротив дедушки, слушаю его громкий голос и вижу, как двигается и меняется его лицо. Он морщит лоб, густые мохнатые брови поднимаются и опускаются, сходятся вместе над переносицей, словно кры-

ша. Он широко открывает глаза, и иногда кажется, что он вообще не помнит, для кого читает. Он словно находится далеко-далеко, в мире героев книжки. Рядом с этим дворянином, который посмеялся над полюбившей его девушкой. И вот прошли годы, он случайно встречается её и понимает, какая она замечательная. Но теперь уже поздно.

Дедушка прерывает чтение и начинает мне объяснять. Он говорит и говорит. О России, о том, как он учился в университете. О Москве, о Сталине, который хотел выслать всех евреев в Сибирь и расстрелять. Я не все понимаю, что дедушка говорит, но он так возбуждается, что получается похоже на спектакль. Дедушка любит, когда я его слушаю, а я люблю смотреть на него и знать, что ему приятно. У нас с ним вроде как есть секрет, только наш. Мы сидим в дедушкином кабинете, там немного темновато. Со всех стен смотрят на нас книги, тесно набитые полки с книгами, расставленными в порядке, известном только дедушке самому. И если бабушка Клара не зовёт нас обедать, мы можем вообще оттуда не выходить.

Иногда бабушка входит и говорит: «Солик, опять ты морочишь ребёнку голову?»

Но видно, что она сердится не по-настоящему, просто она любит всегда знать, что происходит в доме, в каждом его уголке, и чувствовать себя в курсе всех событий. Дедушка тоже это знает и не принимает её слова всерьёз. Он отмахивается от неё обеими руками и говорит: «Иди себе, Кле-Кле,

иди, не мешай нам».

У книжки про Онегина синяя матерчатая обложка. Пожелтевшие страницы украшены витиеватыми рисунками, сделанными черными чернилами. Мама рассказала мне, что дедушка подарил эту книжку бабушке, когда они были молодые и ещё не поженились. Подарил он ей эту книжку в знак извинения, потому что дедушка в чём-то провинился перед бабушкой Кларой. Но я не уверен, что мама права. Просто дедушка любит книжки и любит читать их вслух, как в театре. Я думаю, что дедушка вообще не помнит всех этих своих провинностей и извинений перед бабушкой Кларой. Он вечно всё забывает и спрашивает бабушку Клару, а она ему обо всем напоминает и находит всё, что он теряет.

Когда дедушка хочет передохнуть и размяться, он выходит из своего кабинета и видит Онегина, который спит, свернувшись на синем диване в гостиной. Он усаживается рядом с ним, как будто пришёл навестить приятеля, и говорит ему по-русски: «Киса! Кисуля моя!»

Это что-то вроде «ты моя лапочка». Дедушка обращается к Онегину, как к ребёнку, которому что-то очень удалось. И его большая рука мягко ложится на кремовую шубку Онегина. И на лице дедушки написано полное удовольствие.

Дедушка Солик на самом деле Шмуэль, но все зовут его Солик. Он большой, высокий. Когда он кричит своим громовым голосом, его лицо искажается от гнева. Сказать по правде, это выглядит довольно страшно. Ладони у него ши-

рокие и мускулистые, как у рабочего. Но когда они касаются шёрстки Онегина, они становятся ласковыми и нежными. И сразу видно, что дедушка Солик совсем не такой страшный, как может показаться.

Наш Онегин принимает дедушкины ласки, поскольку он существо вежливое, с хорошими манерами. Но в целом он не очень любит людей. По-настоящему он любит только бабушку Клару. Ну а бабушка Клара вовсе не восторгается роскошной шерстью Онегина и его изысканной походкой. Она не подлизывается к Онегину, не подзывает его к себе и не хвастается им перед гостями. Может быть, это потому что бабушка Клара очень занята. У неё полно работы на кухне. Ей приходится выходить в город по делам и за покупками. Ещё она говорит по телефону с моей мамой и со своей подругой Наталией.

Онегин терпеливо выжидает, когда бабушка присядет отдохнуть на синий диван в гостиной, почитать журнал, который она выписывает из-за границы. Тогда, спустя некоторое время, совершенно незаметно у её ног появляется вдруг розоватое облако. Онегин поднимает к ней мордочку с торчащими в разные стороны усами, словно проверяет деликатно, дозволено ли ему запрыгнуть к ней на колени. Он не мяукает, не трётся о бабушкины ноги. Просто стоит и ждёт, и только его прямо стоящий хвост слегка покачивается, словно молодое деревце на лёгком весеннем ветру.

Бабушка Клара не спешит, и они оба знают, что сейчас

произойдёт. Она вздыхает и делает вид, будто Онегин надо-едаёт ей. С притворной неохотой она сдвигает ноги, чтобы Онегину было удобно сидеть, запахивает и разглаживает по-лы халата, поскольку Онегин не любит сидеть на обнажённой коже. Да и оцарапать способен, боже упаси. Когда, наконец, все готово, Онегин вскакивает на бабушкины колени и начи-нает перебирать передними лапами. Дедушка называет этот ритуал по-русски: «топчет». Вроде того, как топчут босыми ногами виноград, чтобы делать вино. Я такое видел по учеб-ному каналу. Но больше всего это выглядит так, будто Оне-гин месит живот и ляжки бабушки Клары, как тесто. Онегин месит сосредоточенно и целеустремлённо. В такие минуты я люблю прижаться ухом к его мягкому боку, от которого исходит тёплый приятный запах, и слушать мурлыканье, ко-торым он сопровождает свои труды. Это говорит о том, что Онегин счастлив. Да и бабушка Клара выглядит довольной. Она, едва касаясь, поглаживает Онегина. Я тоже хочу погла-дить его, но дедушка говорит мне резко:

«Оставь ребёнка!»

Словно Онегин и впрямь его ребёночек.

«Не видишь, что ты мешаешь?!»

И я отказываюсь от своего намерения, понимаю, что де-душка прав. Бабушка Клара ничего не говорит, лишь еле за-метно улыбается спокойной, умиротворённой улыбкой.

2. Кошка с кондиционером

Когда я только родился, мама с папой взяли из приюта для животных нашу кошку Ольгу. По их мнению, очень важно для воспитания ребёнка, чтобы он рос вместе с животным. Ольга была маленьким котёнком, но уже тогда было ясно, что она вырастет замечательной красавицей. Теперь она уже большая, толстая и очень пушистая. Мама любит жаловаться на Ольгину шерсть, которая остаётся на всей одежде и на мебели в квартире, но на самом деле мама тоже её любит. Она называет её Оленька-сладенькая, Сладунечка-масюпунечка моя – это немножко по-русски и немножко на иврите, так я понимаю, как будто Ольга – маленький ребёнок, несмотря на то, что, в общем-то, Ольга уже старая, ведь один год жизни кошки равен пяти человеческим. Так папа мне сказал.

Наша Ольга очень любит покушать. Ночью, когда папа встаёт, чтобы поработать немного за компьютером, Ольга сейчас же принимается мяукать: она думает, что уже утро и пришло время еды. Она знает, что у папы доброе сердце, и он не сможет перед ней устоять. Однако утром, когда встаёт мама, Ольга бежит к ней, виляя задом и снова мяукает. Папа уже ушёл на работу, и мама не знает, накормил он её или нет, ведь Ольга мгновенно сметает все, что ей дают. Так что мама не знает, голодна ли Ольга в самом деле или только успешно прикидывается изголодавшимся животным.

Вечером мама ругает папу. «Ты пойми, Чинчинуля, – говорит она, – это же ради неё! Ради её здоровья! Ей вредно так много кушать! Посмотри на неё, она же скоро лопнет...»

У Ольги смешная походка, как у толстозадой дамы на каблуках, и мягкий животик, который зовётся в нашем доме *пузиком*¹. От всего этого только гладить и тискать её ещё приятнее. Я люблю ласкать Ольгу, чесать ей за ушком и особенно гладить её *пузик*. Она ложится на спину, смешно раздвигает и поднимает вверх лапки, жмурится и мурлычет. Когда она начинает себя вылизывать, это значит, что она достигла высшей стадии наслаждения.

Летом Ольге очень жарко в её пушистой шубке. Она ложится на каменный пол посреди гостиной, поскольку на каменных плитках прохладнее, чем на ковре или на диване. Папа говорит, что Ольга растянулась, как селёдка. Она становится совсем узкой и длинной, как розовые селёдочные колбаски на рыночных прилавках, которые мы с папой видим, когда ходим за покупками. Она так страдает от жары, что не двигается с места, даже когда слышит поворот маминного ключа в замочной скважине. Она только приподнимает голову и уныло пищит – жалуется.

Мама думает, что Ольга заболела, и начинает волноваться, когда Ольга ищет узкие пространства, чтобы спрятаться, например, в бельевой шкафу. Если я случайно оставляю дверцу шкафа открытой, Ольга тотчас влезает в него и сво-

---

¹ По-русски в оригинале.

рачивается клубочком в темноте среди одежды, и я не могу понять, откуда она отвечает мне, когда я её зову. «Её нигде нет!» – говорю я маме.

Больше всего мама не любит, когда Ольга прячется под стол, потому что туда она залезает, когда она в самом деле плохо себя чувствует. Мама сует голову в темноту: она пытается выяснить, как там Ольга. Мама встаёт на коленки, оттопырив попу так, что видны её бледные ляжки, похожие на бабушкино дрожжевое тесто, когда она готовит *беляши*².

«Оленька! Оленька, масюпунечка моя! – восклицает мама. – Ну что ты там сидишь? Посмотри, какая пыль!» – произносит она жалобно, пытаясь добраться до Ольгиного носа и определить, сухой он или нет. Потому что если у кошки сухой нос, значит, она больна. Это даже я знаю. Но Ольга не обращает внимания на маму. Она продолжает лежать, растянувшись, как селёдка, в прохладной и пыльной темноте.

«А ты достань её коробку с едой и увидишь, как она тут же вылезет», – говорит папа вроде бы безразличным тоном, но немного насмешливо, а мама сердится, что он отказывается беспокоиться за Ольгу вместе с ней. Мама говорит, что мужчины не понимают, что такое болезнь, и вместо того чтобы заботиться о своём здоровье, они не признают её. «Они отрицают само существование болезни!» – говорит мама. Я не знаю точно, что это значит, но начинаю по-настоящему тревожиться, когда Ольга долго не вылезает из-под кровати.

---

² По-русски в оригинале.

Мне её очень не хватает. Я люблю, когда она со мной рядом. Мне хочется погладить её и почесать ей за ушком.

«Может быть, надо сводить её к ветеринару? – говорит мама. – Нельзя же так пренебрегать кошачьим здоровьем. Это же живое существо!» – восклицает она, закусывая нижнюю губу.

Однако на папу это не производит никакого впечатления. Не отрываясь, он продолжает смотреть на экран своего компьютера, в который он погружен на протяжении всей субботы. После того как мама повторяет эти слова несколько раз, он отвечает ей тихо и сдержанно, но чувствуется, что он раздражён: «А ты включи ей кондиционер...»

Мама сжимает губы и выдвигает челюсть: она злится. Потому что мама не любит кондиционер, а папа – да. Обычно они приходят к компромиссу в виде вентилятора, но, видимо, Ольге этого недостаточно. Кроме того, мама не любит, когда папа сидит за компьютером всю субботу, вместо того чтобы ехать с ней на море или идти навестить бабушку Клару.

В конце концов, когда папа засыпает ненадолго после обеда, мама не выдерживает. Она включает кондиционер, и в самом деле, не проходит и пяти минут, как я вижу мою толстенькую Ольгу безобидно лежащей на ковре! Ничто не нарушает её спокойствия, её *пузик* цвета слоновой кости беззащитно оголён.

«Ольга здорова! Ольга здорова!» – кричу я. Я бросаюсь к

ней, склоняюсь над её маленьким тельцем и окунаю лицо в мягкую тёплую шерсть живота. От неё вкусно пахнет, и тёмные лапки на фоне светлого животика похожи на маленькие дождевые тучки на небе.

3. У папы под веками

«Снова спина...» – простонал папа, ковыляя в ванную.

Он держался за поясницу, как старик, и вся верхняя часть его туловища была согнута и направлена по прямой вперёд.

«Что? Опять?» – тихо спросила мама, закусив нижнюю губу.

«Не беспокойся, мама, – мне хотелось ей сказать, – это пройдёт». Но я быстро ускользнул в кухню, потому что знаю, что такие случаи всё-таки лучше наблюдать издалека.

Мне не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в своей правоте: мама встала у двери в ванную и начала читать папе лекцию о том, что он пренебрегает своим здоровьем. Что он не делает упражнений, которые ему предписал ортопед, и не занимается спортом. Что ему уже не двадцать лет, и что он не может продолжать относиться к себе, как будто он молод и здоров, как раньше. «Организм тебе сигнализирует, а ты не прислушиваешься», – отчаянно восклицала она.

Но когда папа открыл дверь ванной и она увидела, с каким трудом он передвигается, то жалость охватила её сердце. Она замолчала и мелкими шажками прошла вслед за папой в комнату.

Глубоко вздыхая и издавая неопределённый скрипучий звук, папа подошёл к постели. Ему не удалось просто лечь, как обычно, поэтому он сначала лёг на живот и прополз

немного, а потом тяжело перевернулся на спину. Он подвигал направо и налево своими длинными массивными ногами серо-сизого цвета, потому что папа никогда не носит шорт. После нескольких таких движений, которые папа называет «упражнениями», тонким, как у ребёнка, голосом он позвал маму: «Чинчинуля...» Так он называет её, когда его обуревают особо сильный прилив нежности или когда ему что-нибудь надо. «Чинчинуля, свари мне кофе...»

Его голос был таким слабым и несчастным, что мамино сердце за минуту сжалось. Она вздохнула и не мешкая пошла в кухню готовить ему кофе, хотя мама не любит просьб, связанных с кухней. Пока вода закипала, она не открывала рта. В её случае это говорит о глубоких размышлениях, так как обычно мама говорит не умолкая. Только вернувшись в комнату и присев на край кровати с чашкой кофе в руке, она снова обрела дар речи: «Чинчинуля, Чинчину-ля-ле, – произнесла она, – ведь доктор Брук и хиропракт Арон тебе сказали...» Слова срывались с её губ не в тоне публичной речи, они скорее напоминали колыбельную. Но продолжения не последовало.

В ответ папа только простонал что-то неопределённое и подтянул одеяло к подбородку.

«Твоя лень тебя доведёт, милый мой Чинчину-ля-ле...» – грустно закончила мама. Её голова опустилась, и она тихонько погладила папину руку, лежащую поверх одеяла.

«Хочешь, помажу тебе мазью?» – нетвёрдо предложила

она.

«Гммм...» – простонал папа, пытаясь повернуться на бок.

«Может быть, примем горячую ванну...» – продолжала мама.

Папа помотал головой.

Я уверен, что папа не прикидывается, однако вместе с тем, я знаю, что он не против поболеть, потому что рад не идти на работу. Иногда мама старается скрыть улыбку, когда утром он остаётся дома: «Я же не Дганит Кармели. Ты можешь сказать мне правду...»

Дганит Кармели – это папина начальница.

Когда папа остаётся дома, он лежит на спине, прищурив глаза. Он не закрывает их, как человек, который собирается заснуть. Его веки чуть-чуть вздрагивают, как будто что-то под ними движется. Я уверен, что он там что-то видит! Я знаю! Это точно! Я много раз ловил его на этом: он видит картины! Множество разных картины роятся там у него под веками!

Даже Ольга знает, что папа не спит. Она сидит на коврике около кровати в ожидании, как будто знает, что скоро, совсем скоро что-то произойдёт, а не лезет под одеяло, как она это делает, когда все засыпают.

«Папа, – говорю я, – ну расскажи мне, что ты там видишь! Я же знаю, у тебя там кино! Ты смотришь кино! Я тоже хочу! Ну пожалуйста...»

Чтобы смотреть картины у себя под веками, папа говорит

Дганит Кармели, что у него мигрень. Но когда я возвращаюсь из школы, он уже не помнит, что болел. Он сидит у компьютера и рисует на экране картины, которые видел утром у себя под вёками. Он только и размышляет, как бы ему остаться дома и чтобы все ушли. Он добирается до компьютера, опираясь на швабру, а потом сидит и рисует свои картины, такие чистые и тонкие, что мне хочется притронуться к ним и погладить, как Ольгин животик.

Весь день папа сидит, устремив взгляд на экран компьютера, а Ольга лежит под лампой на столе около него. Папа вспоминает, что у него болит спина, только когда заканчивает работу и хочет встать и подойти к принтеру, чтобы проверить, как получилось. Тут вдруг он понимает, что встать он не может, потому что чувствует страшную боль. Его лицо становится белым как простыня и покрывается потом. С большим трудом он добирается до постели, обрушивается на неё и ждёт маминого прихода. В тот момент, когда он слышит поворот ключа в замочной скважине, он начинает стонать, как тяжелобольной, который за весь день не знал ни минуты покоя. А мама, как есть, в офисной одежде, с газовым шарфиком на шее и с брошкой в форме бабочки на лацкане жакета, с перекинутой через плечо сумкой и с полиэтиленовыми пакетами из супермаркета, сразу же подходит к нему, садится на кровать и говорит: «Чинчи-ну-ля! Чинчи-ну-личка, бедненькая моя! Очень болит?», точно как дедушка, который употребляет женский род, когда нежность переполня-

ет его через край.

В ответ папа издаёт звук, похожий на голос молодого телёнка, который ещё не научился мычать как следует, а Ольга подходит и трётся о мамины щиколотки. Ольга всё видела, но она не выдаёт папиных секретов, потому что она тоже его любит.

4. Оперные слёзы

«Нет, тебе не надо, ты и так знаешь про Онегина. – Мама повернула ко мне голову, протягивая папе краткое содержание, которое она распечатала из Интернета. – Не забудь, Гиди, – добавила она обиженно, – это в следующий четверг».

«Как это? Опера про кошку?» – удивился я.

«Да нет, это не про нашего Онегина, – рассмеялась мама, и обиженное выражение сразу же исчезло с её лица. – Это об Онегине из книжки, из которой дедушка тебе читает иногда», – пояснила она.

Папа неохотно принял из её рук страницы. «Как? Всё по-русски? Они поют по-русски весь вечер?» – преувеличенно изумлённо спросил он.

«Да, – ответила мама, – оперы пишутся не только по-итальянски!» Она открыла холодильник, достала овощи и разложила их на столе.

«Когда ужинать будем?» – спросил папа.

«Ещё есть время», – сказала мама, наклонившись над столом и сосредоточенно всматриваясь в помидоры на кухонной доске.

Папа был не в восторге от похода в оперу. Вообще-то я не совсем в этом уверен. Мне кажется, что он был недоволен тем, что мама за него решает и не даёт ему сопротивляться. «*Культура! Культура!*» – произнёс он по-русски, но это

слово прозвучало в его устах, как ругательство в мамин адрес.

«В общем-то, сюжет мало что даёт, – сказала мама, когда папа вышел из кухни. – Главное – это музыка и пение».

«Я знаю! – вскричал я – Опера – это как спектакль в театре, но вместо того чтобы говорить – поют».

Мама предупредила меня, что опера про Онегина – длинная, и что даже если я очень устану, придётся терпеть и досидеть до конца.

«Не волнуйся, мама! Можешь на меня положиться!» – пообещал я. Мне не терпелось увидеть нашего Онегина на сцене! Я не помнил, о чём там было в точности, только то, что Онегин в книжке встретил девушку, которая полюбила его, но он надсмеялся над ней.

«Там тоже будут стихи, как в книжке в синей обложке?» – спросил я маму.

На это мама не знала, что ответить. «Да, – сказала она после некоторого молчания, – но ты этого не почувствуешь, потому что они сливаются с музыкой».

«Что значит «сливаются с музыкой»? – не понял я.

«Музыкальные темы в опере развиваются и переплетаются между собой, мы не чувствуем, где и как именно это происходит, – глубокомысленно произнесла мама. – Каждая из них выражает образ, настроение, и всё это вместе волнует нас».

Я не понял маминого объяснения до конца, но подумал,

что это не важно, разберусь уж там, на месте. Самое главное, что я иду с ними на настоящий спектакль, в настоящем театре, вечером, и что там будет Онегин.

«Не надо забывать, однако, о визуальном восприятии!» – папа был голоден. Он заглянул в кухню и застал маму за её сумбурным объяснением. «Это не менее важно! – провозгласил он. – Как выглядит сцена, декорации, освещение. Это иногда важнее музыки...»

Мама встряхнула бутылку с соусом и заправила салат. Она распрямила плечи и немного откинула голову назад. Папины слова ей не понравились, но она, видимо, решила сдержаться и не вступать в пререкания, рисковавшие вот-вот вылиться в ссору, которая уже назревала между ними. Не знаю уж, из-за оперы или по какой-то другой, неизвестной мне, причине. Во всяком случае, Ольга тоже сообразила, что ужин не обещает ничего хорошего. Она осталась лежать под кроватью и не пришла на кухню составить нам компанию во время еды.

Папа был в плохом настроении. Он сказал, что мамин салат невкусный. «Никакого сравнения с салатом Юнеса!» – он приложил все усилия, чтобы разозлить её. Однако мама не поддалась на провокацию. Она резко встала из-за стола, чтобы достать хлеб из тостера, и повернулась к нам спиной.

«Ладно, ладно, я прочту содержание... – проворчал папа. – Жизнь состоит не только из твоих книг на русском языке!»

«В конце концов, тебе всегда нравится больше, чем мне, –

бросила мама. – Это у тебя каждый раз слёзы на глазах!»

«Так зачем же ходить, если ты не получаешь удовольствия? Не говори мне, пожалуйста, что ты покупаешь такие дорогие билеты только для поднятия культурного уровня необразованного сабры³!» – папа пустил в ход весь свой боевой арсенал. Перед тем как уснуть, я представил себе господина в шароварах, как облака пушистой шерсти на задних лапках Онегина, как он прогуливается по бабушкиной гостиной. Его фигура была длинной и гибкой, высокий стоячий воротник оттопыривался вокруг шеи. Одним мастерским прыжком он пересёк всю огромную сцену, но тут я вспомнил, что мы идём на оперу, а не на балет, и с этим я заснул.

* * *

Чем ближе приближался день оперы про Онегина, тем мама всё больше нервничала и беспокоилась. Казалось, она не способна думать ни о чём, кроме своей оперы. Она говорила о ней без конца, и казалось, что у неё в голове идёт спектакль, в котором мама сама, вместо Онегина, выступает на балу при свете софитов, как на театральной сцене. Папа, высокий и статный, одетый во всё чёрное, стоит около неё, а её обнажённая рука чинно покоится на его руке, как рука гра-

---

³ Сабра – еврей, родившийся на территории государства Израиль.

фини из книжки в синей обложке.

Снова и снова мама напоминала папе, что в этот день ему надо будет прийти с работы пораньше, чтобы успеть помыться и переодеться. Но папе надоело, что мама к нему пристаёт. Всю ночь он не спал, работая над двумя новыми картинами за своим компьютером, и у него не было времени читать содержание оперы.

«Не страшно! – попытался я утешить маму, когда папа вышел из дому, сильно хлопнув дверью. – Я расскажу ему. Кроме того, ведь ты сказала, что будет перевод, как в кино...»

Мама растерянно кивнула.

Уж не знаю, почему они устроили целую историю из-за этой оперы. Как двое друзей из синей книжки, они объявили друг другу войну и готовы были биться до самого конца, чтобы показать, на чьей стороне сила. Я спросил дедушку, почему Онегин и Ленский не отменили дуэль. «Они же были такими друзьями и так любили друг друга?»

Дедушка задумался немного, а потом сказал: «Человек – существо многостороннее, и не всегда нужная сторона берет верх...»

Когда он это говорил, его карие глаза посветлели и стали совсем жёлтыми, как Ольгины, когда она смотрит на свет. Его лицо стало гладким, будто по нему текла вода со лба по щекам. Дедушка, вероятно, почувствовал, что его объяснение неудовлетворительно, и тяжело уронил свою большую ладонь мне на плечо, будто извиняясь, что не находит луч-

шего ответа.

Я не всегда сразу понимаю то, что говорит дедушка. Я должен сосредоточиться изо всех сил, подумал я про себя, тогда пойму. А может быть, двое друзей из синей книжки боялись опозориться перед гостями, которые стали свидетелями их ссоры на балу. Но ведь мамину с папой ссору никто не наблюдал, кроме меня. Я ненавижу, когда они так ссорятся. Но я молчал, зная, что если открою рот, то все шишки полетят на меня. Мне было обидно, что они не обращают на меня внимания и что им всё равно. Они, видимо, думают, что я – слишком маленький, чтобы что-то заметить и понять.

В тот день, когда мы должны были идти на оперу, мама звонила папе на работу несколько раз, напомнить ему, чтобы он вернулся пораньше. «Опера – это не кино, – обратилась она ко мне, поскольку папа не мог долго задерживаться у телефона, – в конце рабочего дня от усталости и пробок трудно сосредоточиться, особенно если это на непонятном тебе языке».

Она приготовила папе его парадную одежду. Отутюженный пиджак и голубая рубашка с тонким узором по линии пуговиц ожидали его в спальне. Становилось уже довольно поздно, но папы всё не было. Мама блуждала по дому без дела – из ванной в спальню, из спальни в туалет, из туалета в кухню. Каждый раз она хваталась за телефонную трубку и клала её обратно. Видно было, что она старается перебороть себя, чтобы не позвонить папе ещё раз.

Ольга тоже чувствовала мамино состояние. Она то следовала за ней по её нервному маршруту в квартире, будто вопрошая и требуя объяснений, то вдруг, желая минуты спокойствия, садилась тихо на ковёр, в ожидании, что мама остановится наконец, сядет на диван или ляжет на кровать со своей книжкой, а Ольга сможет запрыгнуть и примоститься возле неё.

Однако мама не замечала Ольги. Она вообще не видела её. Мне кажется, что она боялась, что папа полностью погрузится в работу, забудет прийти и нам придётся идти одним, только она и я, и весь спектакль, который она разыгрывала у себя в голове, с люстрами и софитами, с вечерним туалетом, не состоится. Будут только напряжённое ожидание, нервы опоздания и сомнение, дадут ли нам войти и занять наши места внизу после поднятия занавеса или же отошлют нас сердитым шёпотом на второй ярус вместе со всеми опаздывающими.

В конце концов, мне надоело. Я не желаю пропускать оперу, подумал я, да пропади всё пропадом! Я хочу посмотреть на настоящего Онегина!

«Я пошёл одеваться!» – объявил я маме, и это, видимо, произвело на неё впечатление. Невообразимо медленно, как во сне, она направилась в свою комнату – собираться. Её лицо потемнело, кончики губ опустились, и две длинные прямые линии разделили ей лоб на три равные полосы. Она надела своё выходное лиловое платье, но почему-то не выгля-

дела в нём красивой. Её плечи поникли и казались бледными. Она напоминала чернорабочую, которую после тяжёлого рабочего дня одели в нарядный дорогой туалет.

Мама затихла, и это было хуже всего. Я взял Ольгу на руки, крепко-крепко прижал её к груди и к животу, где скопились вся злоба и давящее уныние. Вес маленького тёплого тельца, живого и мягкого, немного успокоил меня. Ольга не сопротивлялась и не пыталась вырваться, хоть я и знал, что ей неприятно, когда я держу её так. Она как будто понимала, что мне плохо и что она мне необходима, она была готова прийти ко мне на помощь. Я был глубоко ей благодарен, она была единственной, кто понимал меня в эту минуту.

«Ольга, миленькая, – прошептал я. – Кто моя хорошая толстая кошечка?!» Я почесал её под подбородком. Она подняла голову вверх, её глаза смотрели мне прямо в глаза, и я увидел, что она всё понимает. Папа говорит, что Ольга – ленивая и флегматичная кошка, но я считаю, что она просто умеет терпеть, она готова страдать ради меня, потому что любит. Дедушка тоже молчит иногда, когда бабушка на него кричит, хотя, по-моему, это совершенно невыносимо. Я вижу, как он весь кипит изнутри, но он знает, что она не может по-другому, поэтому молчит и терпит. Ради неё.

* * *

Наконец папа вернулся с работы. Он выглядел усталым

и раздражённым, и от него сильно пахло потом. Щетина на щеках выглядела белой, и казалось, что пролысины на голове расширились с утра. Именно в этот день его начальница Дганит Кармели попросила его остаться, чтобы закончить какое-то важное задание. Иногда я думаю, что эта Дганит Кармели в самом деле ведьма. Один раз мы с мамой встретили её по дороге в бассейн. У неё были прямые тускло-серые волосы и острый, как у лисицы, нос, который прямо-таки подходит, чтобы соваться куда не просят. Но она была худой и была одета в джинсы и в футболку, как молодая, а не выглядела старой и морщинистой, какой должна быть настоящая ведьма.

В ответ на мамины претензии папа сказал, что он не мог отказать Дганит, но его слова звучали как собачий лай. Поэтому, он попросту забыл про мамину оперу. И когда Дганит Кармели попросила его остаться, он о ней и не подумал.

«Я надеюсь, что места не во втором ряду, как в прошлый раз, – произнёс папа, – при всём моём уважении к *культуре*⁴, мне необходимы субтитры, я не могу наслаждаться чистой музыкой, как подобные тебе высшие существа!» – добавил он.

Мама протянула ему плечики с одеждой. Она даже почистила ему ботинки. Но папа заявил, что пойдёт в своих старых сандалиях, потому что он так привык и так ему удобно. Мама чуть не расплакалась. В конце концов, она уступила

---

⁴ По-русски в оригинале.

ему даже насчёт пиджака: он его даже не взял с собой.

Мы опаздывали. Как только папа припарковался, мама тут же выскочила из машины и побежала вперёд, как бегунья в марафоне. Я попытался успеть за ней, но обернулся и увидел, что папа не ускорил шаг. Он оставался позади, так что я не знал, к кому из них примкнуть. В результате все трое мы встретились на входе во время проверки безопасности. Когда мы стояли в очереди, папа потянул меня за рукав и шепнул: «Она волнуется, ты понимаешь? Волнуется...» Он чуть заметно повёл правым плечом.

«Почему?» – спросил я, делая наивное лицо.

Мне хотелось сказать ему, что я не понимаю, почему они устроили настоящую битву из-за этой оперы, но мне не хотелось портить настроение, ведь мы уже были у самого входа, а в папиных глазах играли зайчики веселья. Не знаю, как это у него так внезапно переменялось настроение, может быть, из-за того, что в вопросе пиджака и сандалий победа всё-таки была за ним.

Как только мы зашли в зал и уселись на свои места, мама вдруг успокоилась. Она расправила шёлковый шарф на плечах, будто вдруг вспомнила, что это праздник и она должна быть красивой. Она повернулась назад, окинула взглядом ярко освещённые ярусы и ложи, взволнованно переживая всю значительность события. Она улыбалась, и глаза её горели, и именно это дало мне почувствовать, что происходит что-то из ряда вон выходящее. Я наклонился к папе и сказал

ему на ухо: «Мама – красивая!», но не успел услышать его ответа, потому что в эту минуту освещение потускнело, стало темно, вся суэта затихла, и яркий свет вспыхнул в центре у сцены. Высокий мужчина с копной чёрных, гладких, как у индейца, волос встал перед музыкантами. Я видел только его спину. Он сделал энергичный жест, взмахнул волосами, как манекенщик, и музыка началась.

Открывшаяся передо мной сцена была огромной и удивительной, а когда запели все женщины вместе, она покрылась зеленоватым таинственным светом. Онегин появился весь в чёрном. Твёрдый белый воротничок, будто сделанный из картона, крепко обхватывал его шею. Его треугольные кончики стояли над лацканами сюртука. Ещё у него был большой розовый шарф, он блестел и был повязан как-то по-особому залихватски, как у франта, за которым наблюдают все дамы. Я подумал, что бабушка с дедушкой были правы. Он в самом деле напоминал нашего Онегина.

Перед тем как целиться в своего друга Ленского, он снял шляпу. Странная эта была шляпа, никогда раньше я не видел такой, высокая с круглым дном. Чёрная мантия развевалась на фоне белого снега. Он был в самом деле холодным господином. Я даже чувствовал ненависть к нему в некоторых местах. Его друг мне понравился больше. Он пел таким высоким и мягким голосом, что казалось, что какое-то маленькое и нежное существо прячется у него на груди, и оно так беспомощно, а его ведут на бойню.

Когда зажегся свет, я вдруг увидел рядом с собой маму с папой. Я совсем забыл об их существовании в то время, когда смотрел на сцену. Папа держал в руках носовой платок и вытирал лицо. Мама хитро смотрела на него. Её зрачки плясали так живо, что, казалось, от озорства они сейчас выпрыгнут из глазниц. Она наклонилась ко мне и сказала: «Ты видел? Папа всплакнул...» Этот секрет был безмерно сладок.

«Я не плакал», – безразлично произнёс я.

«Нет ничего стыдного в слезах!» – провозгласила мама во весь голос. Это фраза была предназначена папе.

«Ну так где ты плакал, Чинчинуля?!» – повернулась она к папе, когда мы вышли из зала. Она не могла сдержаться. «Я хочу знать, в каком месте!» – повторила она так громко, что мне стало неловко, ведь люди вокруг могли услышать.

«Не знаю, – промямлил папа, хлюпая носом. – Мне необходимо перекусить, – добавил он, увиливая от маминого вопроса. – Где тут буфет?»

«Лучше всего была сцена дуэли», – произнёс я, не принимая участия в их поединке.

«А хор подруг? Какой у них замечательный хор! – воскликнула мама зачарованно, будто выпуская мыльные пузыри изо рта. – Но где, однако, где ты всплакнул? В каком месте?» – настаивала она. Плечи её были расправлены, а голова сидела на них прямо, но весь её корпус колыхался, как морская вода на солнце. Мне казалось, от радости она готова пуститься в пляс по просторному фойе оперного театра.

«Не знаю. Может быть, и впрямь, когда они пели вдвоём...» – задумчиво произнёс папа, но я всё-таки не понял, какую сцену он имеет в виду. Мама начала напевать мотив из оперы, покачивая головой в такт, так что казалось, голова танцевала на её шее, как горшок на столешнице, который никак к ней не присоединён и вот-вот упадёт.

Папа купил сэндвич с красной рыбой в сметане, а мама заказала эспрессо ристретто. Я пил сок. Он был ярко-жёлтого цвета, как платье певицы, которая потеряла своего жениха, потому что Онегин убил его на дуэли.

5. Ждём Гарика

«Наверное, дядя Гарик приедет осенью или уже зимой», – говорит мне мама по дороге домой от бабушки с бабушкой. Мама тоже зовёт его дядей, хотя никакой он ей не дядя и даже не родственник. Но так это у русских: любого взрослого зовут дядей или тётей.

Дядя Гарик – это бабушкин и дедушкин друг молодости, ещё со студенческих лет. Он живёт в России, а бабушка с бабушкой ждут его: они хотят, чтобы он приехал в Израиль. Жизнь в Израиле гораздо лучше, чем в России, и дедушка уверен, что дяде Гарика будет здесь хорошо.

«Твой дедушка – большой сионист», – объясняет мне мама, но её слова звучат грустно, как будто речь идёт о дедушкином крупном недостатке. «Он считает, что все евреи мира должны жить в Израиле, но не все разделяют это мнение», – поясняет она.

И снова бабушка с дедушкой обсуждают приезд дяди Гарика. Когда от него приходит письмо на жёлтой шероховатой бумаге, они садятся на синий диван в гостиной, дедушка скрещивает руки на груди, бросает бабушке короткую и невнятную фразу и вздыхает. После этого они некоторое время молчат, потом бабушка медленно говорит что-то дедушке в ответ. Она выдавливая слова, они словно выползают из её рта, замирая. Потом они снова молчат, и мне не удаётся

уследить за их разговором и понять, что именно они имеют в виду.

«Он всегда был человеком нерешительным», – говорит дедушка, махнув рукой. Бабушка встаёт и выходит из комнаты, как будто у неё какое-то срочное дело. Её губы сжимаются до белизны, и я уже знаю: бабушка сердится на дедушку. Она не любит, когда про дядю Гарика говорят плохо.

Я тоже жду приезда дяди Гарика. Мне хочется познакомиться с ним, узнать, кто он такой, и я не понимаю, почему он не едет, – ведь все его так ждут.

«Мы жили в одном дворе», – рассказывает мне мама на опустевшей в пятницу вечером улице.

«Во дворе? Как это – во дворе?» – спрашиваю я.

«Россия – большая, и места в ней много, – поясняет она. – Там строят многоэтажные дома так, что между ними остаётся прямоугольное пространство, похожее на огромный внутренний двор, без машин. В нашем дворе росли старые липы и клёны, высокие и развесистые... – продолжает мама, и я уже чувствую, как она отдаляется от меня. – Настоящая роща, по израильским понятиям! – добавляет она. – Дорожка, которая пересекала двор по диагонали, лежала между нашим домом и домом дяди Гарика. Зимой деревья покрывались снегом. О! Как это было красиво...»

Мама становится сентиментальной, и я уже знаю, что она рассказывает мне то, о чём ей приятно вспоминать. Но меня не интересуют сейчас заснеженные русские рощи. «Пере-

стань!» – мне хочется её остановить. Не хочу я путешествовать сейчас по лесам России! Я всего-навсего хочу понять, почему дядя Гарик не едет в Израиль. Почему он мешкает? Однако мою маму не так-то просто остановить.

«Зимой мы ходили в походы, – продолжает она, – лыжные походы по лесу, по огромному нетронутому лесу, в котором нет беговых дорожек и маршрутов для пешеходной ходьбы».

«И дети тоже ходили?» – спрашиваю я. Её рассказ всё-таки увлекает меня. Я ещё ни разу не ходил на лыжах, но видел по телевизору, как лыжники на соревнованиях за границей в разноцветных костюмах прыгают с невообразимой высоты и выписывают зигзаги. И мне трудно было поверить, что моя мама тоже была способна на такое, когда была маленькой.

«Конечно, – подтверждает мама весело и уверенно, – но это не те лыжи, не горные, а беговые. По трассе. Длинная-длинная прогулка по лесу, а не прыжки с вышек. Мы выходили все вместе и шли долго-долго, огромные расстояния по всей этой белизне в лесной тишине, когда слышен лишь скрип лыж по снегу... Дядя Гарик шёл впереди всех. Он был мастером по этим делам...»

«Наверное, поэтому ему так тяжело ехать в Израиль? – подумал я вслух. – Тут нет заснеженных лесов для лыжных и пеших походов».

Мама вдруг замолкает. Может, она не слышит меня, а может, старается что-то вспомнить. Её лицо становится серьёзным и сосредоточенным. Мне кажется, в нём кроется ещё

что-то, она хотела бы мне ещё что-то рассказать, но у неё не получается. Наверное, это что-то неприятное, тяжёлое.

«Не так-то просто так вот взять и бросить привычную жизнь, сорваться с насиженного места, где твоя семья жила поколениями, – произносит мама длинную и малопонятную фразу. – Вдруг отбросить привычные устои, сняться с места и ехать далеко в незнакомую страну», – добавляет она.

От её объяснений толку мало, но я терплю и выжидаю: может, маме всё-таки удастся выразить то, что мне виделось раньше в её лице. Мы идём дальше, слышен только стук маминых каблучков по асфальту.

«Жена дяди Гарика – русская, – после передышки продолжает мама. Она чувствует, что мне необходимо понять до конца, и старается объяснить. – Настоящая русская, понимаешь? Не еврейка, которая говорит по-русски... – Она оглядывается на меня неуверенно. – У этой женщины есть старая мама – простая деревенская женщина... понимаешь?»

Нет! Я ничего не понимаю! Отчего простая деревенская женщина помешает приезду дяди Гарика в Израиль? Ведь Израиль – прогрессивная страна! Израильская медицина – одна из самых продвинутых в мире. Израильское строительство и архитектура – одни из самых современных и новаторских. Вновь приезжие русские всегда восхищаются бабушкиным электрическим чайником, который краснеет, когда вода в нем кипит, и приходят в восторг от маминой посудомойки. А мужчины задают множество вопросов насчёт де-

душкиной машины, несмотря на то, что она не такая современная, как машина папы Гилада, и в ней нет всех этих маленьких блестящих кнопочек на панели управления.

«Ну, так что с этой деревенской женщиной? Какое это имеет значение?» – спрашиваю я маму, чтобы помочь ей продвинуться в её витиеватом объяснении.

«Простая русская женщина, которая повязывает голову платком, как лавочница около рынка, к которой мы иногда заходим, помнишь? – мучается мама. – Которая продаёт разные безделушки?»

«Гмм...» – киваю я. Я помню.

«Она носит простые ситцевые платья, похожие на халат, и сама печёт русский хлеб, круглый такой, как тот, что бабушка Клара покупает в лавке у Олега».

«Да-да», – тороплю я её. Но всё-таки ничего не понимаю: мама иногда так много говорит, слова сыплются из неё бесконечно и непонятно зачем.

«Она не хочет ехать в Израиль, понимаешь? – говорит мама слишком громко. – В Израиле все евреи. В России евреев не любят, – продолжает она быстро, как будто торопясь незаметно проскочить что-то неприятное, какое-то препятствие. – Понимаешь, эта русская старушка тоже не любит евреев, несмотря на то, что дочка её замужем за евреем...»

«Так что из этого? Неужели из-за этого он не едет? В этом причина?!» – удивлённо спрашиваю я.

«Да, отчасти...» – отвечает мама, глубоко вздыхая, как

будто наконец-то ей удалось освободиться от чего-то тяжёлого и от этого полегчало. Она громко вдыхает и убирает прядь волос за ухо. «В конце концов, он придет, выхода у него не будет», – добавляет она жёстко и уверенно, как клятву.

«Как это так? Что, они не любят всех-всех евреев?» – спрашиваю я, как только понимаю, что она закончила своё путаное объяснение. «Послушай, мама! Что за глупости! Как это может быть?! – говорю я. – Они же с ними даже не знакомы!» Иногда мама так действует на нервы! «Нет, ты ошибаешься, мама! Ты что-то путаешь!»

Услышав мои слова, она вдруг останавливается. Она поворачивается и смотрит мне прямо в лицо, и вдруг её серьёзность и грусть куда-то исчезают. Её лицо внезапно озаряется широкой и светлой улыбкой, как будто перед ней возникает нечто значительное и необыкновенное. Она взрывается звонким смехом и хохочет так, как умеет смеяться только моя мама.

Теперь я в самом деле в растерянности: мама всегда непременно спорит, желая доказать свою правоту, почему же в этот раз она так довольна?! Она обнимает меня бережно, а не как обычно, дико сжимая в своих объятиях. Она осторожно целует меня в щеку, и я на минуту забываю о дяде Гарике и о деревенской старухе.

Я стою перед ней посреди улицы, как бревно. Ничего я не понял, в конце концов. Ну и ладно: ведь она выглядит такой счастливой. Все её лицо розовеет нежно и по-новому, и хо-

тя уже темнеет, мне виден тёплый блеск её глаз. Редкие прохожие оборачиваются на нас, мы превратились в настоящее уличное происшествие, но мама не обращает на это никакого внимания.

«Ладно, мама, не важно! Оставь этих своих деревенских русских! Давай пойдём скорее домой! Папа, наверное, уже проснулся и ждёт нас», – говорю я и беру её за руку, и мы возвращаемся домой быстрым шагом, почти бегом.

6. Открытые двери

Дедушкина пишущая машинка стоит у него на столе, накрытая чёрным кожаным чехлом. Когда чехол снимают, она вдруг появляется, высокая и массивная, похожая на лестницу, ведущую куда-то в неизвестность и обрывающуюся на высоте. Чтобы что-нибудь напечатать, дедушка должен с силой бить по клавишам, а они шумно отзываются. Но это ничего, у дедушки сильные руки. Я слышу стук клавиш издали, когда только поднимаюсь по лестнице, а когда дедушка переходит на другую строчку, машинка издаёт весёлый звончок.

Вечером дедушка садится за свою машинку и пишет письма. Он пишет друзьям и знакомым, друзьям и знакомым друзей и знакомых и многим другим людям в России, которые пишут ему и задают вопросы. Дедушка говорит, что в России много евреев, которые хотят приехать в Израиль, но они боятся.

«Чего они боятся?» – не понимаю я.

«Они не знают, как живут в Израиле, а в России много дезинформации⁵», – отвечает дедушка. Я не знаю, что такое дезинформация, но я не спешу задавать вопросы. Я знаю, что, продолжая свой рассказ, дедушка произнесёт ещё мно-

---

⁵ По-русски в оригинале.

го разных слов, и так, из всего сказанного, мне станет ясно, что означает это, новое для меня, русское слово. И точно, даже не прерываясь, дедушка продолжает: «В России ложь распространяется среди людей и печатается в газетах, и русские знают, что их жизнь во многом состоит из лжи...»

Ага, думаю я про себя, дезинформация – это ложь! Может быть, это разная ложь, большая и значительная, или много мелкой и трудно различимой лжи...

«Поэтому они боятся, – добавляет дедушка, не обращая на меня внимания, – в России принято ничему не верить».

Русская дезинформация доставляет дедушке немало хлопот, поскольку один из способов советских граждан узнать, что в самом деле правда, а что нет, – это много раз задавать один и тот же вопрос по-разному, а ещё – задавать один и тот же вопрос разным людям. Именно поэтому русские задают так много вопросов. Они пишут дедушке и спрашивают его о том, какие профессии требуются в Израиле, кто именно имеет право на жительство в Израиле, об экзаменах для врачей, о пенсии и о высшем образовании, о лекарствах и о «корзине здоровья», о жаре, о дождях и о городах в пустыне.

Однако дедушка Солик не унывает. Он садится за свой письменный стол и печатает на машинке все ответы на все вопросы подробно и аккуратно. Между листками он вкладывает копировальную бумагу, таким образом, у него остаются копии тех писем, которые он уже написал и отослал. Во главе каждого письма он ставит порядковый номер и подшивает

эти копии в картонную папку. Советская почта не очень хорошо работает, а по номеру получатель узнаёт, что такое-то дедушкино письмо не дошло, пропало. Они-то знают, что дедушка не забыл и не перепутал. Это там, на почте, письмо потеряли или изъяли, потому что что-то в нём не понравилось. Тогда они снова пишут дедушке и извещают его, что вот письмо под номером таким-то не дошло. Дедушка берёт свою папку, достаёт из неё копию нужного письма и снова высылает её по назначению. Так, общими усилиями, им удастся победить русскую дезинформацию.

«Но откуда они знают, что нужно обращаться именно к дедушке, если они с ним незнакомы? – спрашиваю я у бабушки. – Откуда они берут его адрес?»

«Те, кто читает дедушкины письма, находят их интересными и дают почитать друзьям и знакомым. А друзья и знакомые, прочитав, в свою очередь, передают их своим друзьям и знакомым. Так принято в России», – поясняет бабушка, в то время как её руки заняты работой. Она всегда что-то делает, спокойно и без лишней суеты. Она вытирает тряпкой стол на кухне, расставляет посуду в шкафчике, достаёт противень из духовки. Руки у неё мясистые и немного припухшие, а пальцы закругляются вовнутрь, как сосиски, которые она покупает в лавке у Олега.

Иногда случается, что человек, читавший дедушкины письма в России, приезжает и встречается с ним в Израиле. Правда, это бывает редко. Мама говорит, что у новоприез-

жих из России много трудностей и хлопот, они слишком заняты, поэтому они не приходят. Они учатся в ульпане⁶, они должны позаботиться, чтобы их дедушки и бабушки получили пенсию, а дети поступили в университет. Им нужно покупать квартиру и новую машину, и у них не хватает мебели. Иногда они живут далеко, в Беэр-Шеве или в Кацрине. Но мне кажется, что мама неправа. Потому что именно те, у кого много трудностей, обращаются к дедушке, а когда трудности кончаются, они перестают приходить.

Сергей был одним из тех, кто читал дедушкины письма в России. Его сосед Аркадий работал вместе с дядей Гарриком в проектировочном отделе большого производственного предприятия в Чинске. Он дал Сергею почитать дедушкино письмо Гаррику, в котором рассказывалось об израильской промышленности и экономике. Потом Сергей говорил, что он переписал это письмо от руки, потому что тогда в России не было копировальных машин, и послал его своему однокласснику в Киев.

Сергей хотел уехать в Израиль, но он боялся, что в Израиле для него не найдётся работы, и ему надо было узнать, стоит ли подучиться, приобрести какую-нибудь дополнительную профессию или ещё что-нибудь предпринять, что могло бы облегчить его жизнь в Израиле. Кроме того, ему надо было выяснить, существует ли в Израиле металлургическая промышленность, потому что это была его специаль-

---

⁶ Ульпан – учебное учреждение для изучения иврита.

ность. Он попросил Аркадия, чтобы тот поинтересовался у дяди Гарика, нельзя ли обратиться с вопросом напрямую, а Аркадий попросил у Гарика дедушкин адрес, и так Сергей начал с ним переписываться. Сергей задавал ему вопросы, а дедушка отвечал. Дедушка не рассказывал о себе и не писал просто так, то, что ему придёт в голову, потому что не был знаком с Сергеем. Он отвечал на вопросы Сергея, и если не знал ответа, то старался выяснить для Сергея у кого-нибудь.

Сергей не поехал навестить дедушку специально, когда приехал в Израиль. Он встретился с ним только позднее, через некоторое время, случайно. Потому что у Сергея было очень много трудностей. Он был уверен, что ему никогда не удастся выучить иврит, язык со странными остроугольными буквами, и что он никогда не привыкнет к жгучему солнцу, которое режет как лезвие ножа, и к бесконечному поту, отвратительно липкому, от которого нет спасения. Он даже пытался наложить на себя руки, так ему было плохо. Он попал к тому человеку, письма которого, напечатанные на машинке военного времени, он читал в Чинске. Кто-то из знакомых дал ему адрес и телефон. «Он тебе поможет» – так ему сказали.

Сергей не помнил, как звали дедушку. Много времени прошло со времён этих писем, и жизнь в России так от него отделилась, что казалось, это не он, а кто-то другой жил там в морозном и заснеженном городе Чинске. Но почему-то Сергей запомнил адрес, странное название улицы – буквы, со-

ставляющие его, не соединялись в голове ни в какое определённое понятие. Он переписывал этот адрес так много раз, медленно, букву за буквой, чтобы не перепутать, на конверт из серой бумаги с изображением памятника Ленину или Неизвестному солдату.

Дедушка уже вышел на пенсию, но есть ещё люди, которые во что бы то ни стало просят прийти к нему на приём. Когда они приходят, дедушка закрывается с ними в кабинете, и они разговаривают. Я не знаю, что они рассказывают дедушке и что делает дедушка, чтобы помочь им. Мне они совсем не кажутся больными, они ничем не отличаются от других бабушкиных и дедушкиных гостей. Если они приходят парой, то один из них, женщина или мужчина, остаются сидеть в гостиной, и в то время, пока другой сидит и разговаривает с дедушкой, бабушка угощает сопровождающего чаем с печеньем, как обычно.

Во всем этом мне не нравится только то, что когда дедушка принимает больных, он закрывает дверь своего кабинета, и я не могу зайти внутрь. Бывает, что Онегин тоже остаётся за закрытой дверью, так что я остаюсь и без дедушки, и без Онегина, и мне скучно. Иногда, по истечении некоторого времени, дедушка открывает дверь, и я думаю: вот, все. Закончилось! Но дверь только приоткрывается, потому что дедушка выпускает Онегина, который, видимо, попросился выйти на кухню попить или к своему ящику с песком в ванной. После этого дедушка снова закрывает дверь, не обра-

щая внимания на то, что я его жду.

Когда я спросил бабушку, о чём они так долго разговаривают там, за дверью, она сказала: «Трудно быть новичком в чужой стране, милый мой Бобик... Особенно для тех, кто приехал из России. А дедушка знает, как помочь. У него работа такая...»

Однако я не думаю, что дедушка работает. Когда беседа заканчивается и он выходит из кабинета, он выглядит не так, как папа, когда тот возвращается с работы, утомлённым до предела, с серым лицом. А в людях, которые выходят из бабушкиного кабинета после беседы, я тоже не замечаю каких-либо перемен, ничего особенного. Они ведут себя, как будто сидели там всё это время и разговаривали о погоде, о политике или о поездках за границу. Может быть, они выглядят немного более задумчивыми, но не более. Иногда после такой беседы они присоединяются к своей жене или мужу, оставшимся сидеть на бабушкином диване в гостиной, и пьют чай. Случается, что дедушка даёт им книги почитать или даже дарит в подарок.

В заключение дедушка провожает их к входной двери, а когда дверь закрывается, он возвращается, садится на диван, откидывается на его спинку и вздыхает. Он коротко что-то бросает бабушке Кларе, а она кивает или бормочет что-то себе под нос. Она его понимает, но я могу только догадываться, что заметил дедушка по поводу только что состоявшейся беседы за закрытой дверью своего кабинета.

Дедушкины пациенты звонят поздравить его с Новым годом – это у русских самый главный праздник в году – и приносят ему в подарок шоколад и бутылки спиртного. Иногда они дарят ему подушки и салфетки, вышитые ими самими, или свои книги. Обычно это стихи или мемуары.

Когда дедушкины пациенты звонят, бабушка поднимает трубку и говорит: «Доктор Лангер отдыхает сейчас...» Она считает, что дедушка уже старенький, и ей бы хотелось, чтобы пациенты оставили его в покое. Но как только дедушка слышит, что речь идёт о нём, он выходит из своей комнаты и громко говорит низким, только что проснувшимся голосом: «Нет, нет, Кле-кле! Я уже проснулся! Я уже не сплю».

Когда Сергей пришёл в первый раз, он был совсем тощим. Его спина словно прилипла к груди, и вместе они составляли одну общую дугу. Он почти не говорил, только потерянно кивал, когда кто-то обращался к нему с вопросом. Потом он приходил к дедушке ещё много раз. Я не знаю, о чём они там говорили, в дедушкином кабинете, и что дедушка сделал, чтобы ему помочь, но сейчас Сергей выглядит гораздо лучше. Он работает на складе фотооборудования в колледже фотографии. Он чистит фотоаппараты и осветительные приборы, следит, чтобы они исправно работали, и выдаёт их студентам, которые учатся в колледже.

Дедушка с бабушкой никогда не упоминают, что Сергей – дедушкин пациент или что он был дедушкиным пациентом раньше, и я не знаю, так ли это на самом деле. Но сейчас, ко-

гда дедушка беседует с Сергеем у себя в кабинете, они оставляют дверь открытой. Я не знаю, потому ли это, что Сергей уже перестал быть дедушкиным пациентом, или потому что Сергей всё ещё им является, но кроме того, он ему ещё и друг. Может быть, у него всё ещё есть трудности, а может быть, есть ещё что-то другое, кроме трудностей, о чём ему нужно рассказать дедушке.

7. Шоколад высшего качества

Сейчас, когда дедушка с Сергеем сидят в кабинете, говорит в основном дедушка. Сергей легко склоняет голову и чуть прикрывает веки, будто показывая этим, что он отлично понимает дедушкины слова, что понял их ещё раньше и что всё совершенно ясно.

Дедушка сидит в своём кресле, а Сергей – напротив. Сергей наклоняется вперёд, подворачивая свои тощие плечи вовнутрь, словно стесняется их и старается, чтоб их не было видно. Время от времени он отвечает дедушке, медленно и приглушённо, и во время всего разговора поглаживает свою окладистую бороду, которая похожа на спящую у него на груди кошку.

Онегин входит в комнату и проходит между ног дедушки и Сергея, но они его не замечают. Они заняты. Они разговаривают о чём-то важном, и им нужно много чего рассказать друг другу. Онегин останавливается напротив Сергея, обнюхивает кромку его брюк и поднимает голову, и мне кажется, что Онегин интересуется кошкой у Сергея на груди и ему хочется обнюхать и её. Если Сергей задерживается с ответом, наступает тишина, которая, видимо, тяготит дедушку, тогда дедушка обращается к Онегину: «Ну, Онегин! Что ты на это скажешь?» А Онегин проходит около дедушкиного кресла, у самых его ног, но не останавливается и не касается его, а

только показывает всем своим видом, что он не слушает и что все их разговоры ему никак не интересны.

Иногда Сергей остаётся с нами обедать. Онегин тоже приходит, потому что, хоть он и старается всеми силами изобразить равнодушие, ему всё-таки необходимо общество, и он тоже хочет побыть со всеми, особенно когда гости. Но человеческая еда не прельщает Онегина. Он не любит ни колбасы, которую дедушка предлагает ему иногда, поскольку ему неудобно есть в одиночку, ни, конечно же, молока и сметаны, которые ошибочно считают кошачьим лакомством. Онегин не любит ни балык, перед которым дедушка не имеет сил устоять, хоть ему и нельзя, ни беляши, которые бабушка Клара готовит так вкусно, что, когда она их делает, мама едет к ней прямо с работы, не заезжая домой. Но даже беляши бабушки Клары не возбуждают воображения Онегина. Он ест только корм «Роял-канин» и только из сине-серой упаковки, на которой написано: «Для пушистых взрослых кошек».

Единственная человеческая еда, которая приходится Онегину по вкусу, – это шоколад. Притом не «Красная коровка» фирмы «Элит», не «Кит-кат» и не «Мекупэллет». Он увлекается исключительно шоколадом наивысшего качества, который папа покупает по праздникам и на дни рождения или привозит из-за границы. Онегин слышит шуршание целлофана, когда бабушка Клара открывает упаковку, и это становится для него знаком. Вот он уже сидит вместе со всеми у журнального столика в бабушкиной гостиной и выжидает.

Иногда он ступает передними лапками на столик или протягивает одну мохнатую лапочку, поджимая когти и взмахивая ею, как дама ладошкой в перчатке. Так Онегин напоминает нам, пока все пробуют шоколад, запивая его крепким чаем, который бабушка Клара подаёт в своих любимых красных в белый горошек фарфоровых чашечках, что он такой же член семьи, как и все, и что ему тоже полагается «Бачи» или пралине «Лейди Годайва».

И вот, когда все жуют и восторженно ахают, дедушка снимает с пралине нежную серебряную обёртку и обращается к Онегину: «На, иди сюда!» и добавляет: «*Ki-u-sa, kis-u-у-ля!*»⁷. Это одно из ласковых дедушкиных русских слов, и меня он тоже иногда так называет. Я думаю, что это значит что-то вроде милой кошки, но не знаю, почему дедушка обращается к Онегину в женском роде, будто он – девочка. Может быть, потому что в женском роде больше любви и нежности.

Пасть Онегина кажется огромной, когда шоколадный шарик попадает на его розово-белый язык. Онегин держит шарик осторожно, как горячую пищу, и тут же вонзает острые клыки в воздушную фактуру «Бачи». Шоколад крошится и исчезает под энергичным движением челюстей Онегина, который в такие минуты кажется мне похожим не на милое домашнее животное, которого угостили итальянским шоколадом, а на кровожадного царя зверей, который только что растерзал свою жертву после жестокой погони.

---

⁷ По-русски в оригинале.

Во время еды Онегин сидит с нами на кухне. Он присутствует, как говорит дедушка, а бабушка Клара напоминает Сергею, чтобы он и не думал баловать Онегина и не подкармливал его. Еда все равно останется нетронутой, она только запачкает пол. Не знаю, почему она говорит это Сергею. Может быть, она беспокоится о чистоте своей кухни. Однако Сергей даже не пытается кормить Онегина. Он только робко приговаривает: «Какой великолепный кот! Какой великолепный кот!», – но эти слова звучат у него, как выдержка из научного сообщения. Я думаю, что он говорит так, скорее, чтобы сделать приятное дедушке, зная, как дедушка любит своего кота.

Однажды, в один из приездов Сергея, дедушка залез высоко к верхним полкам своей библиотеки и достал из-под самого потолка книгу, покрытую пылью. Заметно довольный, дедушка вручил её Сергею и сказал: «Сергей, это вам в подарок!»

Сергей немного смешался, не решаясь взять книгу из дедушкиных рук. Дедушка это заметил и поспешил подтолкнуть его: «Это для вас! Пожалуйста, возьмите!»

Мой дедушка Солик умеет подбирать книги в подарок для всех и каждого. Он любит дарить книги. А почему бы и нет? Ведь у него их так много! В его библиотеке есть даже специальная полка, предназначенная для книг в подарок.

Но Сергей, видимо, не знал об этом, и я заметил, что ему было очень неловко. Наверное, дедушка хотел подарить ему

слишком важную или слишком дорогую книгу. Может быть, Сергей об этой книге мечтал, и зная, что она есть в дедушкиной библиотеке, так её жаждал, что невзначай намекнул дедушке. Может быть, Сергею было стыдно.

В конце концов, дедушка уговорил Сергея принять подарок, но когда Сергей пришёл в следующий раз, он принёс дедушке большую коробку шоколада. Это было немного странно. Как так – шоколад среди дедушкиных и Сергея книжных дел?

Дедушка очень обрадовался. Он позвал бабушку Клару и сказал: «Кле-кле! Мы получили замечательный подарок!»

Выйдя из кухни, бабушка Клара вытерла руки о передник и воскликнула: «Шоколад! Отлично! Спасибо вам, Сергей. У нас все любят шоколад, даже Онегин!»

«Как? Кошка ест шоколад?» – удивился Сергей.

«Да-да. Но только самого высокого качества!» – пояснил дедушка, подняв указательный палец высоко вверх. Тут, возбуждённо и с гордостью, он принялся рассказывать Сергею о любви Онегина к шоколаду высшего качества.

После этого бабушка Клара позвала нас в гостиную пить чай, ведь у дедушки Солика и бабуши Клары без чая шоколада не бывает. Онегин тоже присоединился, как только услышал знакомое шуршание обёртки. Но когда дедушка протянул ему кусочек шоколада, он вежливо обнюхал его, отвернулся и... ушёл!

Дедушка был в замешательстве. Он растерял все свои сло-

ва. Его лицо резко изменилось, и он поспешно опустил глаза в чашку.

«С Онегиным что-то неладно... – тихо произнёс он. – Почему ему не нравится этот шоколад?»

Бабушка Клара не сказала ничего. Она только чуть повела головой, держа блюдечко высоко перед лицом, как дама в английском чайном салоне, и совершенно спокойным тоном обратилась к Сергею: «Вам налить ещё, Сергей?» – а затем завела разговор о министре в правительстве, который говорит с русским акцентом, а в новостях сообщили, что он преступник и вор.

«М-да... – сказал Сергей. – Вопрос только в том, удастся ли им на этот раз упрятать его за решётку...» И добавил: «Он бросает тень на всю русскую эмиграцию», – искоса поглядывая при этом на Онегина, который хорошенько примостился в углу бабушкиного бордового кресла и старательно вылизывал себя, будто чем-то запачкался.

8. Нехорошими словами

«Отлично! Теперь мы наконец-то пустим в ход наш замечательный коньяк, – восклицает бабушка Клара. – Пейте, пейте! Это настоящий «Мартель»!» – угощает она нового гостя. А тот проводит рюмочку под носом из стороны в сторону, и ноздри его раздуваются от наслаждения. «Если бы мой папа знал, какой коньяк я добавляю в жаркое, он бы умер во второй раз!» – смеивается бабушка Клара.

Дедушкины пациенты думают, что если он говорит по-русски, то обязательно пьёт водку и коньяк. Поэтому нарядные бутылки спиртного остаются стоять одиноко в бабушкином шкафу в ожидании гостей. А у бабушки с дедушкой – всегда гости. Всегда кто-нибудь придёт: кто-то из новоприбывших. Чей-то друг или знакомый придёт посоветоваться, или бабушка с дедушкой приглашают его на чашку чая: обласкать и поддержать. Ведь он в стране новичок.

Бабушка Клара подаёт гостям чай с печеньем в красных фарфоровых чашечках в белый горошек и коньяк.

Судя по тому, как одеты Аркадий и Неля, я уже знаю, что они приехали недавно. Никто из их новых израильских родственников ещё не успел купить им подходящую местную одежду. С брюками Аркадия что-то не в порядке. Такие брюки носят в старых фильмах о войне. Они слишком отглажены, это точно, но это ещё не всё. Трудно сказать, какого они

цвета: вроде бы чёрные, но серые, как будто что-то светлое проступает меж волокон ткани.

Я уже успел привыкнуть к бабушкиным и дедушкиным гостям, но к одному я не могу привыкнуть: от них нехорошо пахнет. Но никто им ничего не говорит, ведь это неприлично.

В общем, бабушка с дедушкой любят гостей, но Аркадия с Нелей они принимают с особым рвением. Они не поглядывают на них исподлобья осторожно и сдержанно, чтобы сначала определить, что это за люди. Нет! На этот раз они знают наверняка: это дорогие друзья! Ведь они оттуда! Из Чинска, города, в котором остался Гарик и в котором Аркадий работал вместе с Гариком в отделе планирования на крупном производстве.

Дедушка закидывает Аркадия вопросами. Он хочет знать. Про Гарика, про его жизнь там. Он хочет понять – так же, как и я. Он хочет, чтобы Аркадий объяснил ему, потому что дедушка Солик тоже не понимает: отчего Гарик откладывает свой переезд в Израиль. Ведь все его так ждут!

Не вставая с дивана, дедушка наклоняется к Аркадию всем телом. Он говорит громко, как будто звук – это инструмент, с помощью которого можно заполучить необходимую информацию у этого долговязого мужчины в очках, с носом в форме капли.

Но Аркадий не знает, что сказать. Он улыбается, его рот занимает половину лица и становится треугольным, как у

Пиноккио. «Вы понимаете...» – произносит он значительно. Он, как видно, затрудняется. Мне кажется, ему нечего особенно рассказать дедушке. Он озабоченно вздыхает. Он думает, что раз дедушка говорит по-русски, он и так понимает его и знает всё о жизни в России. Кроме того, Гарик остался там, в России, а Аркадий уже приехал. Он здесь, в Израиле. Он хочет во всем разобраться и понять. Чтобы дедушка объяснил ему про больничные кассы и про банки, про «корзину абсорбции» и про таможенный налог на бытовую технику. Чтобы дедушка подсказал ему насчёт покупки машины, насчёт высшего образования и института Вейцмана. Аркадию необходимы инструкции, однако он слишком мало времени в Израиле, чтобы знать, какие именно надо задавать вопросы. Он немного растерян. Ему неловко.

Он робко поглядывает дедушке в лицо и мычит нечто из того, что уже знает из слухов, которые ходили там, в Чинске, в городе, где он жил и откуда множество евреев уже уехало в различные города мира.

Но дедушка Солик не замечает смущения Аркадия, хотя мне оно сразу бросается в глаза. Многие дедушкины гости испытывают замешательство по приезде. Ищущим взглядом они шарят по стенам бабушкиной с дедушкой квартиры, по картинам и стеллажам и по декоративным тарелкам из Греции и Южной Америки. Они осторожно вслушиваются в рассказы дедушки, словно то, как они слушают, помимо их желания, откроет дедушке некоторые их недостатки и нехо-

рошие замыслы. Они сомневаются. Они чего-то боятся. Иногда, когда им кажется, что никто их не слышит, они переговариваются между собой шёпотом, совсем-совсем шёпотом. Они не обращают внимания на меня. Ведь я – маленький. Однако я вижу. Правда, я не понимаю всех русских слов, которые они употребляют.

Аркадий с Нелей, как и все остальные, ведут себя вежливо. Они смотрят на дедушку с боязливым почтением. Они улыбаются ему, как большому директору, которому нужно понравиться во что бы то ни стало. Они не уверены, что то, что дедушка им рассказывает про современную медицину и про высшее образование в Израиле, – это правда. Неля, глазной врач по профессии, осторожно держит свою чашку чая сухими и тонкими пальцами с перламутровыми ногтями. Она откусывает маленькие кусочки от бабушкиного печенья с любопытством и удивлением, словно вновь и вновь открывая для себя его вкус. У неё странный цвет лица. Кожа светлая, но с землистым оттенком – как это объяснить? Волосы – очень чёрные на фоне серо-зеленоватого лица, и тёмные пятна под глазами и вокруг рта. Когда я смотрю на её лицо, мне кажется, что ей надо к врачу. Она выглядит нездоровой, я не знаю, почему.

Дедушка Солик сажает Аркадия и Нелю в машину и везёт показать им Тель-Авив. Он едет по тель-авивской набережной, показывает им театр Габима, здание Дома Азии в стиле модерн и новый культурный центр имени Голды. Дедуш-

ка гордится нашим Тель-Авивом. Он считает, что это прекрасный, замечательный город: новейшая архитектура, старинные тенистые бульвары и отличные дороги.

Дедушка Солик рассказывает, а я люблю его слушать. Проезжая Медицинский центр на улице Вейцмана, он объясняет Аркадию с Нелей про новаторские операции груди и сердца, которые проводятся в израильских больницах. На площади Габимы он рассказывает, как родился Национальный государственный театр из скромной театральной студии в Москве, во главе которой стоял режиссёр вообще-то армянского происхождения. Дедушка упоминает первого мэра города Тель-Авива Меира Дизенгоффа, словно тот был его приятелем, и Голду, будто она ему приходится тётушкой, как тётя Салька, живущая неподалёку.

Сидя на заднем сидении дедушкиной машины, я начинаю думать, что Тель-Авив в самом деле прекрасен, что это чудесный город, с умно разработанной системой светофоров, и что израильтяне очень симпатичные люди.

«Евреи!» – восклицает дедушка, и его слова звучат победоносно. «Люблю евреев!» – добавляет он. Его глаза наполняются теплом, выражение лица смягчается, и он обращается ко мне, как к старинному другу: «Ну что, милый мой Бобик! Что ты скажешь? Какую замечательную набережную отгрохали эти евреи посреди пустыни, а?» Он забывает, что я – не приезжий и не гость, что мне всё это не ново, но дедушке приятно, когда все получают удовольствие вместе с ним.

Неля и Аркадий напряжённо слушают, они смотрят в окно машины, не отрывая глаз. Такое впечатление, что они потеряли дар речи. Они пожирают глазами наш Тель-Авив, как одно из чудес света. У них даже вопросов нет. Аркадий потихоньку вздыхает. А Неля выпучила глаза до упора и даже не моргает. Мне хочется успокоить её и напомнить, что теперь она уже здесь и что она сможет гулять по улицам Тель-Авива сколько ей вздумается, ездить в кондиционированных автобусах и попивать крепкий и душистый кофе в кафе на набережной. Тель-Авив от неё не убежит и будет стоять здесь и завтра, со своим зелёным бульваром имени барона Ротшильда, с шумной деловой улицей Алленби и милым зданием старого муниципалитета на площади Бялика.

По окончании экскурсии дедушка отвозит Аркадия и Нелю на автобусный вокзал. Они благодарят его и садятся в автобус, который увозит их обратно в Центр абсорбции. Потом они приезжают ещё несколько раз, и всё. Они исчезают. Когда я упоминаю о них, дедушкино лицо хмурится, а бабушка опускает глаза, словно я допустил какую-то грубую ошибку в поведении в обществе.

«Ну так что?! – настаиваю я, хотя вижу, что оба они недовольны. – Почему они больше не приходят? Я хочу знать. Куда они исчезли?»

«Эээххх! Оставь, Бобик! – огорчённо махает рукой дедушка. – *Мразь*⁸!» – бросает он русское слово, сильно смяг-

---

⁸ По-русски в оригинале.

чая последнюю букву. Некоторые слова дедушка Солик произносит только по-русски, особенно когда он сердится или взволнован. Он уверяет меня, что плохо знает иврит, но это неправда. Просто без некоторых русских слов ему никак не обойтись. Он говорит на иврите без затруднений с пациентами и в бассейне, на почте и в магазине, и все его понимают. Однако когда он очень волнуется или сердится, ему необходимы именно те, особенные слова. Я не знаю всех этих слов, но сейчас даже без слов, только по выражению дедушкиного лица, мне и так всё ясно.

«Почему дедушка сердится на Нелю и Аркадия?» – спрашиваю я у бабушки Клары, когда дедушка выходит на кухню подогреть немного воды для бритья. Они мне показались, в общем-то, симпатичными.

«А! Твой дед... – бабушка Клара качает головой, как дама в английском чайном салоне. – Он сначала очаровывается, а потом... разочаровывается... Понял?!»

Да, я понял: дедушка опять поругался с гостями. Муж этой женщины с болезненным лицом тоже сказал об Израиле что-то нехорошее! Дедушка не выносит, когда ругают Израиль и говорят, что в России жить было лучше. Он страшно сердится.

«Что?! – рычит он на испуганных гостей. – Слышать не хочу! В моем доме?! Чтобы и духу не было!» Он медленно поднимается с дивана, и движение его грузной фигуры вызывает у гостей ужас. Дико вытаращив глаза, широким теат-

ральным жестом он указывает Аркадию на дверь.

Бабушка сразу же как-то сжимается и кажется меньше, чем на самом деле. Её взгляд мечется слева направо, чтобы не наткнуться на глаза Аркадия, которые ищут подтверждения, что это недоразумение, что всё это происходит не на самом деле. Он сказал что-то совершенно заурядное, как все говорят, не особенно задумываясь. Что израильская бюрократия – ужасна, что министр финансов – полный идиот, что израильтяне – бескультурные спесивые дикари, что левые продадут страну арабам и что тут нужен порядок, сильная рука, как во времена великого Сталина...

Аркадий не понимает, почему дедушка так сердится. Все так говорят, и он был совершенно уверен, что в Израиле так считают все и каждый, а уж тем более там, где говорят по-русски. Он оглядывается по сторонам, а Неля нехотя кивает ему, подтверждая, что да, что это не шутка, намекая, чтобы он брал поскорее с дивана свою новую сумку, которую ему подарили недавно его новые израильские родственники, и убирался поскорее из дома этого сумасшедшего, который хотя и говорит по-русски, но это, видимо, ничего не значит.

Аркадий всё ещё в замешательстве. Он собирается всем телом, худым и длинным, но всё-таки медлит, сомневается. Ему очень не хочется подниматься с мягкого дивана, покидать тёплую обстановку, культурную семью и такой отличный французский коньяк. Ведь он себя чувствовал как дома. Совсем как дома! Однако он отвечает Неле коротким кив-

ком и встаёт, наскоро вытирая рот тыльной стороной руки, смахивая крошки бабушкиного печенья, и они оба спасаются бегством на лестничную клетку.

Входная дверь захлопывается, и в квартире восстанавливается тишина. Бабушка Клара не отчитывает дедушку и не напоминает ему, что у него большое сердце. Она наклоняется к столу, собирает красные в белый горошек фарфоровые чашки, относит их на кухню ставить в посудомойку. Её губы сжимаются так плотно, что их совсем не видно.

Дедушка Солик машет рукой. «Аааахххх! *Мразь!!*» – бросает он в пустое пространство одно из тех самых слов, без которых ему никак не обойтись. «*Мразззззь!!*» – повторяет он, и «з-з» на кончике слова звучит, как злобное шипение догорающей головёшки. Я думаю, что это значит «подлые люди», но дедушка Солик не умеет ругаться на иврите.

9. Русалка

В Иерусалиме, недалеко от Кириного дома, невысокий мужчина шёл в нашем направлении. Дядя Гарик знал, что мы должны приехать, и увидев нас издалека, побежал нам навстречу.

«Эй! Клара!» – громко закричал он и засмеялся. Он перепрыгнул через забор, и я удивился: ведь дядя Гарик – бабушкин и дедушкин друг, так как же он прыгает через забор, как молодой?

Когда бабушка Клара сообразила, что это он, она бросилась к нему, но побегать у неё не получилось. Она только тяжело переваливалась из стороны в сторону, а шея её вытянулась по диагонали вверх, как у гусыни. Они обнялись. Когда бабушка Клара обернулась ко мне, то я увидел, что она плачет. «Бабушка! Ты плачешь!» – удивлённо проговорил я. Но в то же самое время она улыбалась. Всё её лицо было весёлым, а глаза казались от слёз голубыми-голубыми, как будто слезы добавили им концентрат синей краски.

Дядя Гарик пристально посмотрел на меня. У него были большие карие глаза, обрамлённые длинными ресницами, как у девочки.

«Это Борис?» – спросил он.

Бабушка кивнула: «Да, это наш Бобик».

Вообще-то меня зовут Бар. Я назван в честь моего праде-

душки, которого Сталин сослал в лагеря в Сибирь. Его звали Берл, а по-русски Борис.

Гарик выговорил имя Борис, как принято у русских, с ударением в конце, Бори́с, а не так, как на иврите, с ударением на первом слоге. Ударение на «рис» придаёт этому имени благородный оттенок: Борис Годунов был великим русским героем. Однако Бóрис, как на иврите, с ударением вначале – это посыльный из овощного магазина, который приносит нам коробки с овощами.

Дядя Гарик наклонился и протянул мне руку: «Здорбво, Борис! Шалом!» – сказал он и крепко пожал мне руку.

Когда мы поднялись наверх в Кирину квартиру, все гости уже сидели за столом, который занимал всю комнату. Он был придвинут к дивану, стоявшему у стены, чтобы всем было место вокруг стола. На нём уже стояли все обычные русские блюда: розовая, как собачий язык, колбаса и мой любимый салат оливье, заправленный майонезом. Селёдка лежала на кольцах белого лука, развалившись, как на подушках. Дядя Гарик всё время широко улыбался, и казалось, что он сам не знает, отчего. Он переводил взгляд от одного из сидящих к другому, и было видно, что он удивлён, очень удивлён всем.

Я сидел рядом с ним. Он пытался говорить со мной. У него был смешной иврит. Я сказал ему, что бабушка с дедушкой ждали его и всё время говорили о нем, и что мне не терпелось узнать, кто он такой, этот дядя Гарик, такой дорогой друг дедушки и бабушки ещё со студенческих лет, когда

даже мамы ещё не было на свете. Бабушка Клара рассказывала мне, что они ходили вместе в походы по реке и что дядя Гарик был капитаном, а она – матросом. Поэтому она иногда зовёт его Капитан, и мне казалось, что таким образом она показывает ему, как она его любит и ценит. Ведь бабушка Клара не выносит лишних нежностей, ласковых слов и сентиментальностей. Их парусная лодка качалась на волнах. Волны были серого цвета, ведь в России солнце не светит так ярко, как у нас, и речная вода не сине-зелёная, как в нашем море. А когда ветер вдруг меняет своё направление и корабль кренится, надо перебросить большой парус под названием «грот» или маленький под названием «стаксель» с правого борта на левый, чтобы лодка не перевернулась. За это отвечала бабушка Клара. Вечером они высаживались на сушу, разжигали костёр и готовили ужин. После еды они пели песни и ночевали в палатке. Когда они просыпались утром, было холодно. Трава вокруг была росистой. Однако они вставали, выходили из палатки и шли купаться в речке – вода была ледяной – при свете ранних солнечных лучей, сквозивших через утренний туман.

Мне было трудно представить большую и грузную бабушкину фигуру, ноги которой напоминают две скривившиеся колонны большого полуразрушенного здания, как будто между ними, где-то на уровне коленок, стоит маленький человечек на каменном балкончике и своими могучими ручонками раздвигает колонны подальше друг от друга, так что

между ними образуется округлое пространство.

Я спросил у дяди Гарика, правда ли всё это, но он только засмеялся. Рюмка, стоявшая у его тарелки, наполнялась и опорожнялась очень быстро. Он напряжённо жевал Кирин знаменитый салат с крабами и тыкал свою вилку в серебристо-розовую селёдку, которая всегда на столе, когда за столом говорят по-русски, но селёдка всё время скользила и увиливала от него.

Светлая улыбка изумления исчезла с лица Гарика. Теперь казалось, что он немножко косит. Тонкие жилки на его лице покраснели и расширились, и все оно как-то обмякло и казалось размытым и потускневшим, как старая подкладка поношенного пальто. Вдруг я отчётливо увидел, что он немолодой, хоть и прыгал через забор. Сейчас его пустые глаза скакали от одного из сидящих за столом к другому, а сам он глубоко сидел на своём стуле, как чрезвычайно усталый человек, которому трудно сдвинуться с места.

Он слышал мой вопрос. Он сказал: «Да, Кларочка вставала первой, потому что она любила купаться в речке голышом. Чтобы никто её не видел, она незаметно покидала палатку, когда все мы ещё сладко храпели. Она находила в воде пень и устраивала себе из него гардеробную: привязывала к нему свой купальник и плыла в глубь в чём мать родила. Проснувшись, мы лицезрели, как наша русалка выходит из воды. – Он прервался, напряжённо жуя белое кольцо лука, которое то и дело вылезало у него изо рта сбоку. – Однако

не каждое место ночёвки на берегу реки предоставляет гардеробные услуги на высоком уровне. Поэтому иногда, если кому приспичило... – О! Сюрприз! – он мог застичь нашу Кларочку в облачении Евы...»

Гарик проговорил все это преувеличенно громко и разразился диким хохотом. Теперь он был совсем не похож на того человека, которого мы встретили внизу. Его взгляд потерянно блуждал, широкие жесты рук, которые он был не в силах контролировать, то и дело грозили опрокинуть стакан или бутылку, стоящие на столе. Все повернулись в его сторону. Поскольку никто не слышал моего вопроса, его слова звучали, по меньшей мере, не к месту. Все смущённо рассмеялись.

Бабушка Клара покраснела и замахала на Гарика руками, словно хотела, чтобы его слова исчезли, будто бы он их и не говорил: «Глупости! Глупости!» – воскликнула она и переглянулась с Кирой. Бабушка опустила глаза в тарелку, будто бы сосредотачиваясь на еде, а потом торопливо встала из-за стола, как будто чтобы принести что-то из кухни.

Под конец, когда мы встали, чтобы ехать домой, Гарик обнял меня. Я не успел отвернуться, и он поцеловал меня в губы. От него исходил неприятный запах, кисловатый и острый. Он пытался сказать мне что-то бессвязное. Кира сказала: «Ладно, хватит!» – и кто-то из гостей взял его за плечи и повёл в комнату, в которой для него уже была постелена постель.

Мы поехали домой. По дороге бабушка ничего не гово-

рила. Я смотрел из окна на иерусалимские огни. Они плавно лились по горизонту длинными округлыми линиями, как морские волны. Я думал о бабушке Кларе в качестве морской девы, выходящей из пучины. Длинные чёрные волосы обступали всю её фигуру, как платье, и лицо тоже было скрыто. В сиреневатом блеске была видна только линия бёдер, а вместо двух колонн в форме дуги у неё был огромный рыбий хвост. Ещё почти темно, и на берегу тишина. Восход озаряет её фигуру сзади. Медленными шагами она приближается к берегу, и я слышу звук прибрежной волны – она разбивается мощным ударом о сушу. Мне хочется пойти ей навстречу и помахать рукой, но тут я вспоминаю, что бабушка Клара рассказывала мне, что в реках России не такие высокие волны, как у нас на море, и что они бьются о берег ласково и неслышно.

10. На том берегу

Не потому, что на пляже в Ашдоде много русских, мама любит ездить туда, а потому что это пляж большой и просторный. Город находится далеко, не слышен гул машин, как в Тель-Авиве, и совсем не чувствуется, что находишься в городе.

Как только мы подъехали, дядя Гарик вышел из машины и замер: море открылось перед ним во всю ширину горизонта. Гарик замолчал, как будто вдруг оказался один, а нас рядом нет. Его взгляд удалялся дальше и дальше. Он смотрел, будто пил глубокую синеву своими большими глазами, которые были сейчас широко открыты, и не мог напиться до конца.

А море и в самом деле было красивым. Оно было сине-зелёным и блестяло, а волны пенились и бились о берег, как юноша, который трясёт своими кудрями, буйно играя. Мы все остановились и перевели взгляд на дядю Гарика. Я хотел поторопить его и сказать: «Мы идём вот туда!» – чтобы он шёл вместе с нами на наше обычное место. Мы и так задержались из-за его купальных плавок. Но папин взгляд остановил меня. Я замялся и стал ждать вместе со всеми, хотя мне уже не терпелось прыгнуть в воду, ощутить её прохладу, соль и удары волн. Они выглядели такими весёлыми, и казалось, звали меня поиграть.

Бабушка Клара предложила взять дядю Гарика с нами на

море в Ашдод. «Он не так часто приезжает из Иерусалима и не всегда представляется случай», – сказала она.

Мама тут же согласилась: «Но что будем делать? У него нет купальных плавок».

«Это не страшно, – сказала бабушка, – что-нибудь придумаем».

В нашей семье все большие и крупные, а дядя Гарик – скромных габаритов. Папины плавки ему не подойдут. Впрочем, у папы и нет запасных плавок, потому что он редко ходит на море. Дедушкины плавки тоже не в счёт: дедушка высокий и толстый, а мои – конечно же, слишком маленькие! В конце концов, мама с бабушкой поехали в магазин при бассейне, там продают купальники и плавки даже по субботам.

Когда дядя Гарик прошёл в ванную переодеться, я заметил, что он носит носки с сандалиями.

«Он, видимо, не привык к жаре, – сказал я маме. – Надо объяснить ему, что без носков летом намного менее жарко». Однако мама возразила, что сандалии дяди Гарика советского производства, то есть низкого качества, и они натирают ему ноги до крови. Поэтому он вынужден носить носки, чтобы не пораниться. «Надо бы купить ему новые сандалии», – добавила мама задумчиво и тихо, чтобы дядя Гарик не услышал из ванной. Но как купить человеку новые сандалии без его ведома?

«Я дам ему померить твои, – обратилась мама к папе, – как будто они тебе уже не годны, и если они ему подойдут,

купим тебе новые...»

«Нет, как же! – Папа был недоволен. – Ты всё хочешь от-
дать своим родственникам!» Папа забыл, что Гарик совсем
даже не родственник, а только дедушкин и бабушкин друг.
«Я люблю мои сандалии! – провозгласил папа. – Я не хочу
новых! Купи ему новые, если тебе так хочется, я не против,
но оставь мои сандалии в покое!»

Мама вздохнула, но не успела ответить, потому что тут
дядя Гарик вышел из ванной в новых плавках. Было видно,
как мышцы его ног двигались и играли при каждом шаге.

Плавки были тёмно-синие. Такой цвет, без рисунка и ор-
намента, был в самый раз, потому что в России мужчины то-
же не любят носить разноцветную и яркую одежду, считая
её слишком женственной.

По дороге в Ашдод дядя Гарик рассказал мне, что он лю-
бит плавать и нырять, что у него была лодка, которую он по-
строил сам, и серфер. Я спросил у него, почему он не при-
вёз свой серфер с собой в Израиль, если он так его любил.
Но дядя Гарик только рассмеялся. Кроме того, я не понял,
как можно ходить на серфере в России, ведь там нет моря!
Но дядя Гарик объяснил мне, что в России есть большие и
широкие реки, что они почти как море – противоположный
берег даже не видно.

Когда мы проходили пункт аренды оборудования для ны-
ряния, Гарик замедлил шаг. Он шёл, повернув голову назад,
будто что-то упустил. Мама сейчас же сообразила и произ-

несла ясно и безапелляционно, что серфер на море – дело опасное, особенно для тех, кто не привык. «Тут тебе не Чёрное море, – заявила она, – наше Средиземное – непредсказуемо, и волны в нем высокие, – произнесла она, не обращаясь ни к кому конкретно. – Вот нырять – это другое дело, – сменив тон, продолжала мама. – Кто нырять умеет – это везде одно и то же».

Мама указала рукой на станцию. «Бобик пойдёт с тобой», – без колебаний добавила она. Мама достала из кошелька купюру и быстрым и решительным жестом протянула мне. «Не беспокойся, это недорого стоит», – бросила она в сторону дяди Гарика и подтолкнула меня тихонько в спину, чтобы я пошёл первым.

Я ещё не умею нырять, но, когда мама возвращается с ныряния, она со всеми приветлива, у неё замечательное настроение и от неё исходит солёный и свежий запах моря. Мама в восторге от рыбок и от растительности в воде, один раз даже привезла фотографии, которые кто-то снимал под водой. На снимках рыбы устроили вечеринку. Они водили хороводы, весёлые и жизнерадостные, а их плавники беззаботно развевались в воде, как разноцветные балльные платья.

Дядя Гарик коротко кивнул. Он не терял времени. «Так ты идёшь со мной?» – он тут же обратился ко мне, будто ища поддержки, и я подумал, что он, наверное, не уверен, что разберётся там на иврите с ребятами на станции. «Я недолго», – добавил он.

«Да, конечно», – ответил я. Мне тоже хотелось поддерживать дядю Гарика. Кроме того, я люблю море, а остальное мне не важно. Я плаваю и плещусь в воде. Солнечные лучи преломляются в волнах так, что пена становится белой-белой. Волны брызжут и играют со мной: они подбираются к берегу и тут же убегают, их и не поймаешь.

Парни, которые работали на станции ныряния, были не израильтянами и даже не говорили на иврите. Судя по цвету волос, они приехали из Скандинавии или из Шотландии. Они были молодыми, стройными, с красивой осанкой, и сразу бросалась в глаза гибкость и выносливость их тел. Загар у них был такой, каким израильтяне не загорают: загар светлой белёсой кожи, которая сначала розовеет, краснеет на солнце, потом становится бордовой и только потом принимает бархатный коричневый оттенок. Их волосы побелели настолько, что были похожи на люффу, которую папа покупает на рынке в качестве мочалки для душа.

«Спортивные ребята!» – произнёс дядя Гарик восхищённо. Он тоже заметил, но цвет загара он различить не мог – он ещё слишком мало времени в Израиле.

Парень у стойки с оборудованием обратился к Гарика по-английски, и Гарик посмотрел на меня. Но я тоже не понял, из-за акцента. Однако не это было важно. Парень повернулся к нам спиной, чтобы взять ласты, которые лежали за ним, и повернул к Гарика голову. Он посмотрел вниз, Гарика на ноги, и произнёс по-английски почти про себя: «Тридцать

девять – сорок или сорок один – сорок два...» Гарик ничего не ответил, только посмотрел на свои ноги. Я тоже опустил глаза и увидел, что ступни у него маленькие, но словно выточенные из камня, жилистые и с выпуклыми мышцами.

Гарик не успел ничего сказать, как парень протянул ему небольшие ласты, которые, видимо, были предназначены для женщин. Он напоминал продавщицу в магазине, которая знает на глаз, какой размер брюк нужен покупателю.

Гарик осторожно натянул ласты и сказал: «Они должны сидеть точно, иначе пропускают воду и нога становится тяжёлой». Я не понял, как же это точно, если такой интервал между размерами, но промолчал. Гарик тоже молчал. Это было для него событием, и он был взволнован.

Он приладил маску и зашёл в воду, задом, так, как всегда заходят в ластах. Я помахал ему рукой, и он исчез в воде.

Все вокруг громко говорили и смеялись, и никто не обращал на меня внимания. Небо было очень синим, ясным и большим. Облака тихонько плыли по нему и, как старые приятели, махали мне сверху. Далеко-далеко на краю пляжа был виден порт. Расплывчатый, он возникал из утреннего тумана – индустриальное чудовище, огромное и таинственное.

Сейчас мне не хотелось заходить в воду. Я сидел на песке и смотрел, как море движется и над его поверхностью нет никакого намёка на дядю Гарика. Таким образом я тоже путешествовал там под водой вместе с дядей Гариком. Я смотрел на разные растения и на живые существа, которых нет

даже в самых глубоких реках России. Солнце нежно гладило поверхность воды, укачивая и успокаивая её, и как бы охраняло дядю Гарика сверху.

Я подумал, что, может быть, мама преувеличивает насчёт опасности серфинга в море, если дядя Гарик так это любит. море сегодня было спокойным. Принято считать, что лето кончается к праздникам, но как раз в праздники, когда жара спадает, море – самое лучшее. Оно спокойно и приветливо, волна пенится, но не бьёт больно и жестоко, как летом, так, что кажется, что море – существо живое, сильное и властное, а я против него тщедушен и слаб. Пляж пустеет, уже нет огромных семейств, которые едят арбузы и бросают корки и полиэтиленовые пакеты вокруг, так что потом они всплывают в воде, как мёртвые медузы.

Я подумал о лодке и о серфере дяди Гарика, которые он сам построил. Он чинил их и следил, чтобы не испортились, лёжа на антресолях в течение длинных зимних месяцев, ведь лето в России такое короткое!

Стало жарко, и я не заметил, как прошло время. Дядя Гарик вышел на берег, мокрый и гладкий от воды, он весь блестел от моря и солнца. Его лицо светилось точно как мамино, когда она возвращается из заплыва. Он довольно вздохнул, наклонился ко мне – прохладная вода приятно потекла на меня – и поцеловал меня, не знаю, от наслаждения или чтобы поблагодарить меня, будто я сделал для него что-то важное.

Мы сдали маску и ласты и отошли от станции. По дороге,

издалека, я увидел папу. Он лежал на подстилке и читал свою книгу по философии искусства.

«А где Тина?» – спросил дядя Гарик, когда мы подошли.

Папа оторвал голову от книги и указал далеко в глубь синевы. Через некоторое время я разглядел там маленькое белое пятнышко.

«Вот она! Вот она!» – указал я по направлению так, чтобы дядя Гарик тоже увидел. Я же знал, что он не различит маму в огромном синем пространстве, но когда мама плывёт, всё её тело прыгает вверх и вниз, и белый кусочек попки выглядывает из-под купальника, поблёскивая на синем, как капелька пены, которая оторвалась от волны и играет в одиночку.

11. Горбушка

Гарик указал на дно своей сумки. Я посмотрел вовнутрь, но ещё перед тем, как что-нибудь увидеть, почувствовал запах хлеба. На пляже, у воды, запах моря и ветер затмевают всё, но всё-таки я почувствовал запах, сильный, насыщенный. Горбушка чёрного хлеба, лежавшая на дне сумки дяди Гарика, была того же сорта, который бабушка Клара покупает в магазине у Олега, недалеко от дома. Плотный хлеб темно-серого цвета, и каждый ломоть в несколько раз тяжелее того воздушного, который мама приносит из супермаркета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.